Materiallar to’plami · Conference Proceedings

TIL, TARJIMA VA TA’LIM: GLOBAL KOMMUNIKATSIYA VA RAQAMLI INNOVATSIYALAR DAVRIDA YANGI YONDASHUVLAR

03 October 2026

UDK 811.111

ZAMONAVIY LINGVISTIKA VA GLOBAL KOMMUNIKATSIYA

ВТОРОЙ ЯЗЫК КАК ИСТОЧНИК ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ТРЕТЬЕМ: АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ УЗБЕКОВ

Shahnoza Ismailovna Askarova*

Ферганский государственный университет

✉ askarova4750@gmail.com

ANNOTATSIYA

Maqolada nemis tilini ingliz tilidan keyin o‘rganayotgan o‘zbek tilli talabalar nutqi materialida ikkinchi tilning uchinchi tildagi interferensiya manbai sifatidagi roli tadqiq etiladi. Material — A2–B2 darajadagi o‘rganuvchilarning yozma ishlari va og‘zaki nutq yozuvlari; metod — nemischa shaklni o‘zbek va ingliz tillari bilan uch tomonlama qiyoslash orqali manbani aniqlashga asoslangan xato tahlili hamda ingliz tilini turli darajada biladigan guruhlarni solishtirish. Ingliz tili uch vazifani bajarishi aniqlangan: u bir manbali og‘ishlarning (grafema-fonema almashinuvlari, predikativ oldidagi artikl, predlogli boshqaruv, yordamchi fe’l tanlovi, modal fe’llar semantikasi, ergash gapdagi so‘z tartibi) manbai bo‘ladi, o‘zbek tili bilan birgalikda konvergent interferensiyani kuchaytiradi va kompensatsiyalovchi ko‘chirishni (artikl kategoriyasi, analitik perfekt, modal konstruksiya, kognat leksika) ta’minlaydi. Ingliz tilining ta’siri asosan shakliy xarakterga ega va ona tili ta’siridan tezroq bartaraf etiladi, biroq ikki til raqobatlashuvchi mo‘ljal bergan holatlarda o‘rganuvchilar obyektiv jihatdan yaqinroq o‘zbek tiliga qaramay muntazam ravishda ingliz tilini afzal ko‘radilar.

Kalit so‘zlar

trilingvizm, uchinchi til, interferensiya, tillararo ta’sir, ikkinchi til, ingliz tili, nemis tili, o‘zbek tili, kompensatsiyalovchi ko‘chirish

DOI: 10.5281/zenodo.23277861

Введение. Классическая теория языковых контактов [1; 2; 3], в том числе в её приложении к тюркско-европейскому сопоставлению [4; 5], рассматривает интерференцию как результат взаимодействия двух систем — родного и изучаемого языка. Однако для большинства студентов Узбекистана немецкий язык является третьим (L3): он изучается после узбекского (L1) и английского (L2), и его усвоение протекает в условиях, которые бинарная модель описать не может. Исследования усвоения третьего языка [6; 7; 8; 9] показали, что второй язык выступает самостоятельным источником межъязыкового влияния, причём при усвоении типологически близкого третьего языка его роль нередко превышает роль родного: С. Уильямс и Б. Хаммарберг зафиксировали преимущественную активацию L2 в речи на L3 [8], К. Бардель и И. Фальк объяснили это особым когнитивным статусом второго языка [10], Дж. Ротман — типологическим сходством [11], М. Вестергорд с соавторами — посвойственной близостью систем [12]. Для триады «узбекский — английский — немецкий» все три модели предсказывают доминирование английского, но по-разному определяют его границы.

Между тем влияние второго языка не сводится к переносу ошибок. Э. Келлерман показал, что переносится не то, что объективно сходно, а то, что учащийся считает сходным (психотипология) [13], а Х. Рингбом — что воспринимаемое сходство близкородственного языка является главным ресурсом облегчения [14]. В немецкой лингводидактике это положение легло в основу концепции «Deutsch

nach Englisch» [15; 16], которая рассматривает английский как опору при обучении немецкому. Для узбекоязычной аудитории вопрос о том, где английский служит опорой, а где помехой, не исследован: существующие описания возводят отклонения к родному языку.

Материалы и методы. В исследовании участвовали студенты направления «Немецкий язык» Ферганского государственного университета (n = [укажите число], 18–23 года; L1 узбекский, L2 английский на уровнях от A2 до C1 по Общеевропейским компетенциям, L3 немецкий на уровнях A2–B2). Материал составили письменные работы (сочинения и переводы с узбекского объёмом 120–200 слов) и записи устной речи (чтение текста и монолог 3–5 минут); для части участников были записаны также образцы английской речи. Общий объём: [укажите] письменных работ и [укажите] минут записи.

Отклонения выявлялись методом анализа ошибок [17; 18] с разграничением интерлингвальных и интралингвальных отклонений и квалифицировались по уровню (графико-фонемный, просодический, морфологический, синтаксический, лексический). Источник определялся трёхсторонним сопоставлением немецкой формы с узбекской и английской: отклонение относилось к **моноисточниковой английской** интерференции, если соответствующая черта есть в английском и отсутствует в узбекском языке; к **конвергентной** — если её содержат оба языка; к **моноисточниковой узбекской** — если её содержит только узбекский; отклонения, не выводимые ни из одного языка (сверхобобщение правил немецкого), считались интралингвальными. Случаи, в которых английская форма или категория обеспечивала правильное немецкое решение, недоступное носителям узбекского без английского, квалифицировались как **компенсирующий перенос**. Атрибуцию проводили два эксперта независимо.

Результаты. Наиболее очевидная группа моноисточниковых английских отклонений — чтение немецких графем по английским правилам: «ie» → [aɪ] (*[laɪbe] Liebe*), «ei → [i:] (*[kli:n] klein*), «th» → [t] (*Theater*), «v» → [v] (*[va:tr] Vater*), «sp-, st» → [sp], [st] (*[spi:len]*), сохранение звонкости в исходе слова (*[hand]*). Ни одна из этих подмен не поддерживается узбекским языком. Конвергентную группу образуют подмены, в которых английская орфография действует заодно с латинизированной узбекской графикой: «j» → [dz], «ch» → [ts], «z» → [z], «w» → [w], перед гласным. Конвергентные подмены сохраняются дольше моноисточниковых. Влияние английского на этом уровне носит поверхностный, графико-фонематический характер и заметно убывает к уровню B1, тогда как отклонения, укоренённые в узбекской артикуляционной базе сохраняются.

В месте словесного ударения английский язык выступает источником отклонений в интернационализмах (*Músik, Politik, Student* по образцу *music, politics, student*) и в когнатах; здесь же он даёт и положительный эффект — корневое ударение в германской лексике. Просодические свойства речевого потока (ритм, слабые формы, мелодический диапазон), напротив, определяются родным языком.

К моноисточниковой английской интерференции относятся: артикль при предикативе профессии и национальности (*Er ist ein Lehrer ← He is a teacher*); *-s* как универсальный показатель множественного числа (*die Kinds, die Bücher-s*); *von*-конструкция по образцу *of* вместо генитива (*das Buch von der Lehrer*); предложное управление (*warten für ← wait for, interessiert in ← interested in, denken über ← think about*); выбор *haben* вместо *sein* в перфекте (*Ich habe gegangen ← I have gone*); пассив с *sein* + причастие II в процессуальном значении (*Das Haus ist gebaut ← is built*); чрезмерное употребление *werden*-футура по образцу *will*; согласование времён в косвенной речи; *muss nicht* в значении запрета (*mustn't*).

Влияние английского обнаруживается в порядке слов: нарушение правила «глагол на втором месте» после вынесенного обстоятельства (*Gestern ich habe gearbeitet ← Yesterday I worked*) и сохранение порядка главного предложения в придаточном *weil ich habe keine Zeit ← because I have no time*). Второе отклонение особенно показательно: узбекский язык с его глаголом в конце предложения даёт для придаточного правильный ориентир, и студенты, не изучавшие английский, допускают эту ошибку значительно реже.

Английские «ложные друзья» дают устойчивые моноисточниковые отклонения: *bekommen*

в значении *become*, *also* в значении *also*, *Gift* -подарок, *Chef* -повар, *aktuell* - фактический, *sensibel* - разумный, *brav* - храбрый. Одновременно английский обеспечивает самый значительный компенсирующий перенос - узнавание когнатов и интернационализмов, что даёт студентам с высоким уровнем английского ощутимое преимущество в рецептивной лексике.

Сводная характеристика типов влияния английского языка дана в таблице 1.

Таблица 1. Типы влияния английского языка в немецкой речи узбекоязычных обучающихся

Уровень	**Моноисточниковая английская интерференция**	**Конвергентная (английский + узбекский)**	**Компенсирующий перенос из английского**
Графико-фонемный	‹ie› → [aɪ], ‹th› → [θ], ‹v› → [v], звонкий исход слова	‹j› → [dʒ], ‹ch› → [tʃ], ‹z› → [z], ‹w› → [w]	придыхание, [ə], допустимость начальных стечений
Просодический	ударение в интернационализмах (*Músik*)	—	корневое ударение в германских когнатах
Морфологический	*ein Lehrer*, *-s* множ. числа, *haben* вместо *sein*, *sein*-пассив, *werden*-футур, *muss nicht*	неверный выбор артикля (отсутствие рода и падежа в L1 и L2)	категория артикля, обязательное множ. число, аналитический перфект, модальная конструкция
Синтаксический	*Gestern ich habe…*, *weil ich habe…*	—	SVO в главном предложении, относительное придаточное
Лексический	*bekommen*, *also*, *Gift*, *Chef*, *aktuell*, *sensibel*	—	когнаты и интернационализмы

Обсуждение. Полученные данные позволяют уточнить роль второго языка в триаде. Английский язык выполняет три различные функции: он служит источником новых, не существующих у монолингвальных носителей узбекского отклонений; выступает «мостом» к категориям и конструкциям немецкого языка, отсутствующим в узбекском; и, наконец, ослабляет положительный перенос из родного языка там, где узбекский даёт верный ориентир (*muss nicht*, футур, порядок слов в придаточном). Последняя функция описана в литературе наименее полно, хотя именно она в отдельных зонах делает положение билингва сложнее положения монолингва.

Соотношение с моделями усвоения третьего языка неоднозначно. Модель фактора статуса второго языка [10] верно предсказывает, что английский становится почти монопольным источником формального переноса — окончаний, вспомогательных глаголов, предлогов, когнатных форм; но она не объясняет, почему категории и значения (обязательность выражения длительности, результативное прочтение перфекта, семантика необходимости) переносятся из узбекского. Модель типологического приоритета [11] верно предсказывает предпочтение английского при конкуренции ориентиров, однако опровергается посвойственным распределением влияний: в тех категориях, которых английский лишён (род, падеж, согласование), «близкий» язык не даёт учащемуся ничего, а «далёкий» узбекский обеспечивает функциональные опоры (различение направления и местонахождения, дательный экспериенцер *mir gefällt* ← *menga yoqadi*). Модель лингвистической близости [12] описывает это распределение точнее всего, но недооценивает систематическую переоценку английского обучающимися, обусловленную психотипологией [13; 14] и общностью способа усвоения обоих иностранных языков. Адекватное описание требует трёхфакторной модели — объективной близости свойств, психотипологии и статуса языков в компетенции учащегося — в рамках динамической модели многоязычия [20].

Заключение. В триаде «узбекский — английский — немецкий» английский язык является самостоятельным и на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях преобладающим источником интерференции; его влияние носит преимущественно формальный характер и преодолевается быстрее влияния родного языка. Разграничение моноисточниковой английской, конвергентной и транзитной интерференции возможно только при трёхстороннем сопоставлении с учётом уровня владения английским и его речи у самого учащегося. Английский язык обеспечивает значительный компенсирующий перенос, сводящий категориальную интерференцию к минимуму, но не устраняющий формальной; одновременно он вытесняет положительный перенос из узбекского там, где родной язык даёт верный ориентир.

Список использованной литературы

1. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.

2. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. – Л.: Наука, 1972. – 80 с.

3. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.

4. Юсупов У.К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. – Ташкент: Фан, 2007. – 127 с.

5. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1983. – 267 с.

6. Cross-linguistic Influence in Third Language Acquisition: Psycholinguistic Perspectives / eds. J. Cenoz, B. Hufeisen, U. Jessner. – Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – 197 p.

7. Hammarberg B. Roles of L1 and L2 in L3 production and acquisition // Cross-linguistic Influence in Third Language Acquisition: Psycholinguistic Perspectives / eds. J. Cenoz, B. Hufeisen, U. Jessner. – Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – P. 21–41.

8. Williams S., Hammarberg B. Language switches in L3 production: Implications for a polyglot speaking model // Applied Linguistics. – 1998. – Vol. 19, № 3. – P. 295–333.

9. De Angelis G. Third or Additional Language Acquisition. – Clevedon: Multilingual Matters, 2007. – 160 p.

10. Bardel C., Falk Y. The role of the second language in third language acquisition: the case of Germanic syntax // Second Language Research. – 2007. – Vol. 23, № 4. – P. 459–484.

11. Rothman J. L3 syntactic transfer selectivity and typological determinacy: The typological primacy model // Second Language Research. – 2011. – Vol. 27, № 1. – P. 107–127.

12. Westergaard M., Mitrofanova N., Mykhaylyk R., Rodina Y. Crosslinguistic influence in the acquisition of a third language: The Linguistic Proximity Model // International Journal of Bilingualism. – 2017. – Vol. 21, № 6. – P. 666–682.

13. Kellerman E. Now you see it, now you don't // Language Transfer in Language Learning / eds. S. Gass, L. Selinker. – Rowley, MA: Newbury House, 1983. – P. 112–134.

14. Ringbom H. Cross-linguistic Similarity in Foreign Language Learning. – Clevedon: Multilingual Matters, 2007. – 144 p.

15. Hufeisen B. Englisch als erste und Deutsch als zweite Fremdsprache: Empirische Untersuchung zur fremdsprachlichen Interaktion. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1991. – 232 S.

16. Mehrsprachigkeitskonzept – Tertiärsprachenlernen – Deutsch nach Englisch / Hrsg. B. Hufeisen, G. Neuner. – Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2003. – 181 S.

17. Corder S.P. The significance of learner's errors // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. – 1967. – Vol. 5, № 4. – P. 161–170.

18. Kleppin K. Fehler und Fehlerkorrektur. – Berlin; München: Langenscheidt, 1998. – 152 S.

19. Selinker L. Interlanguage // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. – 1972. – Vol. 10, № 3. – P. 209–231.

20. Wrembel M. L2-accented speech in L3 production // International Journal of Multilingualism. – 2010. – Vol. 7, № 1. – P. 75–90.

21. Herdina P., Jessner U. A Dynamic Model of Multilingualism: Perspectives of Change in Psycholinguistics. – Clevedon: Multilingual Matters, 2002. – 182 p.

22. Neuner G., Hufeisen B., Kursiša A., Marx N., Koithan U., Erlenwein S. Deutsch als zweite Fremdsprache. – Berlin: Langenscheidt, 2009. – 176 S.

Foydalanilgan adabiyotlar

[1] Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.

[2] Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. – Л.: Наука, 1972. – 80 с.

[3] Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.

[4] Юсупов У.К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. – Ташкент: Фан, 2007. – 127 с.

[5] Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1983. – 267 с.

[6] Cross-linguistic Influence in Third Language Acquisition: Psycholinguistic Perspectives / eds. J. Cenoz, B. Hufeisen, U. Jessner. – Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – 197 p.

[7] Hammarberg B. Roles of L1 and L2 in L3 production and acquisition // Cross-linguistic Influence in Third Language Acquisition: Psycholinguistic Perspectives / eds. J. Cenoz, B. Hufeisen, U. Jessner. – Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – P. 21–41.

[8] Williams S., Hammarberg B. Language switches in L3 production: Implications for a polyglot speaking model // Applied Linguistics. – 1998. – Vol. 19, № 3. – P. 295–333.

[9] De Angelis G. Third or Additional Language Acquisition. – Clevedon: Multilingual Matters, 2007. – 160 p.

[10] Bardel C., Falk Y. The role of the second language in third language acquisition: the case of Germanic syntax // Second Language Research. – 2007. – Vol. 23, № 4. – P. 459–484.

[11] Rothman J. L3 syntactic transfer selectivity and typological determinacy: The typological primacy model // Second Language Research. – 2011. – Vol. 27, № 1. – P. 107–127.

[12] Westergaard M., Mitrofanova N., Mykhaylyk R., Rodina Y. Crosslinguistic influence in the acquisition of a third language: The Linguistic Proximity Model // International Journal of Bilingualism. – 2017. – Vol. 21, № 6. – P. 666–682.

[13] Kellerman E. Now you see it, now you don't // Language Transfer in Language Learning / eds. S. Gass, L. Selinker. – Rowley, MA: Newbury House, 1983. – P. 112–134.

[14] Ringbom H. Cross-linguistic Similarity in Foreign Language Learning. – Clevedon: Multilingual Matters, 2007. – 144 p.

[15] Hufeisen B. Englisch als erste und Deutsch als zweite Fremdsprache: Empirische Untersuchung zur fremdsprachlichen Interaktion. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1991. – 232 S.

[16] Mehrsprachigkeitskonzept – Tertiärsprachenlernen – Deutsch nach Englisch / Hrsg. B. Hufeisen, G. Neuner. – Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2003. – 181 S.

[17] Corder S.P. The significance of learner's errors // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. – 1967. – Vol. 5, № 4. – P. 161–170.

[18] Kleppin K. Fehler und Fehlerkorrektur. – Berlin; München: Langenscheidt, 1998. – 152 S.

[19] Selinker L. Interlanguage // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. – 1972. – Vol. 10, № 3. – P. 209–231.

[20] Wrembel M. L2-accented speech in L3 production // International Journal of Multilingualism. – 2010. – Vol. 7, № 1. – P. 75–90.

[21] Herdina P., Jessner U. A Dynamic Model of Multilingualism: Perspectives of Change in Psycholinguistics. – Clevedon: Multilingual Matters, 2002. – 182 p.

[22] Neuner G., Hufeisen B., Kursiša A., Marx N., Koithan U., Erlenwein S. Deutsch als zweite Fremdsprache. – Berlin: Langenscheidt, 2009. – 176 S.